

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 98–107.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 98–107.

Научная статья / Original article

УДК 82.0

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-98-107

ОТДЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И СЧАСТЬЕ — ДОМИНАНТЫ ТЕОРИИ ИСКУССТВА Г. Д. ГАЧЕВА

Наталья Николаевна Смирнова

Институт мировой литературы
имени А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, nnsmirnova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>

 Аннотация. В статье рассматривается основание теории искусства Г. Д. Гачева — субъективное, личностное, единичное как порождающее начало мысли, в противоположность известной модели безличного текста культуры, вошедшей в обиход позднесоветской гуманитаристики и до сих пор влияющей на понимание закономерностей в истории культуры. Теория искусства Гачева начинается с осмысления единичного и к нему же приходит как к высшей гармонии. Доминантные понятия такой теории искусства — отдельный человек и счастье — координаты, в которых ученый рассматривает движение эстетической мысли. В научной картине мира Гачева первостепенное значение имеет личность исследователя литературы и культуры, его способность к художественной интуиции. Особое внимание уделяется гачевскому понима-

нию мысли *in statu nascendi*, ее возникновению под влиянием художественных миров и со-ответствия им. Намечена связь идей Гачева с самыми разными традициями осмысления проблемы истока художественного творения в 1920–1930-е и 1950-е годы (Я. Л. Морено, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер). Рассматривается проблема художественного творения в его изначальном окружении и в ситуации извлечения из него, ситуации, в которой творение превращается в вещь. Г. Д. Гачев исследовал национальные образы мира *in statu nascendi*, при этом видел движение культур разных народов к единой судьбе, к «неминуемому», формулируя теорию ускоренного развития. Мысль Гачева развивалась в диалоге с читателем-собеседником и в непосредственной связи с повседневным бытием, в согласии с которым, по мнению ученого, только и возможно подлинное теоретическое усмотрение.

Ключевые слова: Г. Д. Гачев, отдельный человек, счастье, мысль *in statu nascendi*, художественное творение, теория и повседневность

Ссылка для цитирования: Смирнова Н. Н. Отдельный человек и счастье — доминанты теории искусства Г. Д. Гачева // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 98–107. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-98-107.

Remembering Georgy Dmitrievich Gachev

INDIVIDUAL HUMAN BEING AND HAPPINESS ARE THE KEY POINTS OF G. D. GACHEV'S THEORY OF ART

Natalia N. Smirnova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, nnsmirnova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>

Abstract. Article deals with the basis of G. D. Gachev's theory of art that is subjective, personal, individual as generative source of thought in contrast to the well-known model of the impersonal cultural text what entered into late Soviet humanities and still influencing models of the history of culture. Gachev's theory of art begins with the individual itself and comes to it as the highest harmony. Individual human being and happiness are the basic concepts of Gachev's theory of art; in the concepts he considered the whole development of aesthetic thought.

The personality of researcher and his artistic intuition are the key to his theories. Main attention is paid to Gachev's understanding of thought in statu nascendi, its emergence under the influence of artistic worlds and its correspondence to them. The connection between Gachev's ideas and the various traditions of understanding the problem of the origin of the work of art in the 1920s — 1930s and 1950s (Jacob Levy Moreno, Martin Heidegger, Hans-Georg Gadamer) is investigated. The article examines the problem of the work of art in statu nascendi and (in contrast) in extraction from the origin which is the reification of the work of art. Gachev studied national images of the World in statu nascendi and the movement of different cultures towards a whole final, that he called the "inevitable," which gives him grounds to coin a theory of accelerated development. Gachev's thought evolved in dialogue with his potential reader and showed connection between theory and everyday life.

Keywords: G. D. Gachev, Individual human being, happiness, thought in statu nascendi, the work of art, theory and everyday life

For citation: Smirnova, N. N. (2025) "Individual Human Being and Happiness are the Key Points of G. D. Gachev's Theory of Art," *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(3), pp. 98–107. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-98-107.

Существование в истории отдельного человека было всесторонне осмыслено, как известно, в немецкой классической философии, оказавшей в свое время значительное влияние на отечественную теорию. У Гегеля единичное бытие вписано в систему самораскрытия духа. Впоследствии у Маркса отдельный человек подчинен силам, над которыми он не властен, разве только стихийное восстание против дисгармонии мира способно обнаружить атомарные сущности, не учтенные при укрупненном взгляде на массив исторического¹.

Вопреки неумолимому движению истории, в котором единичное всегда подчинено масштабным переменам, часто остается страдательным или вовсе пренебрегаемым, в отечественной теории человек еще долгое время оставался мерой вещей, а представление о субъектности творчества не уступало места безличному тексту культуры.

¹ В русской традиции восстание против дисгармонии мира ярко отразилось, например, в житнетворчестве Л. Н. Толстого, что породило множество интерпретаций, располагало к нескончаемому диалогу с писателем (см., например: [Гачев, 1999; Кантор, 2023]).

Впрочем, вряд ли следует судить об этих явлениях в терминах долженствования или предпочтения одного другому. Но не обратить внимания на громадные перемены, произошедшие в мышлении XX столетия, нельзя².

Георгий Дмитриевич Гачев как теоретик исходил из того, что отдельный человек и его стремление к счастью — ключ к пониманию сущности искусства. «Отдельный человек, — утверждает мыслитель, — есть первый (самый низший) и последний (самый высший) “предмет”, в котором выражается как гармония, так и расхождение природы и общества. (...) А счастье есть согласие в индивидуе его духа и тела, его общественного и природного бытия, его разума и его чувств, ума и сердца» [Гачев, 1980, с. 15].

И это несмотря на стремление постичь крупные исторические явления и модели развития, формирующие образы мира. Масштабный взгляд не противоречит вниманию к деталям.

Более того, по мнению Гачева, из научного мышления не может быть исключено человеческое и результат такого мышления вовсе не предстает очищенным как от элементов личной оценки, так и — самое главное — от обстоятельств ее порождения. Мысль — это в первую очередь условия, в которых она возникает: «Ведь я живу в то время, когда пишу, так что ситуации и загвоздки моего житья-бытья не могут не влиять на мои теории и ход рассуждения об отвлеченных предметах» [Гачев, 1999, с. 3]. С точки зрения Гачева, повседневность входит в теорию как ее неотъемлемая часть; мыслитель противопоставляет «отвлеченное» и «привлеченное» мышление [Гачев, 1999, с. 3].

Главная задача, которую ставит себе ученый, — «брать состояние живьем, а мысль — *in statu nascendi* (“в момент рождения” — лат.), в коротком замыкании со своим предметом. Тогда они еще остры, достоверны и не отполировались. Мой азарт — добывать первичные опыты, охота на первоудивления. Привыкший к нормализованности взгляд автоматически реагирует на такое безразлично: “это — сырое!” На это ответим: кому что по вкусу» [Гачев, 2019, с. 22–23].

Думается, что дело здесь отнюдь не только во вкусе. Ученый говорит о литературе, ее главном качестве — художественности. Возможно ли сколько-нибудь продуктивное высказывание об этом предмете, если мыслящий совершенно лишен творческого воображения и чувства, преобразующего обыденное в предмет искусства? Иными словами, нужно ли ученому, теоретику художественное мышление? Имлийцы Г. Д. Гачев, Н. К. Гей, С. Г. Бочаров, А. В. Михай-

² Такой опыт изучения произошедших перемен, на фоне которых — портрет Георгия Дмитриевича Гачева, мыслителя и человека, представлен в работе Ричарда Темпеста [Темпест, 2018].

лов были абсолютно убеждены, что оно есть необходимое условие теоретической мысли, которая неизбежно принимает существенные черты своего предмета, как бы включающего в себя все, что может быть помыслено³.

И дело вовсе не только в том, что научное мышление как-то должно быть совмещено с мышлением образным. Ни для кого не секрет, что, например, метафора используется научной мыслью. Все это хорошо известно.

Но мысль, возникающая *in statu nascendi*, инспирирована художественными мирами, значит, не может им не соответствовать, быть совершенно им чуждой и безразличной. Так и о литературной критике и теории Гачев говорил, что это «работа с литературой: мыслитель через

литературу, на плечах образов, добытых писателями, воспаряет выше, в более отвлеченные зоны духа, как бы в “ноосферу” художественной литературы (если ее — “биосфере” уподобить), чтобы там добывать новые, более тонкие образы и смыслы», и в конце концов это мышление «образами идей» [Гачев, 2019, с. 260, 262].

Георгий Гачев. «Разум восхищенный»

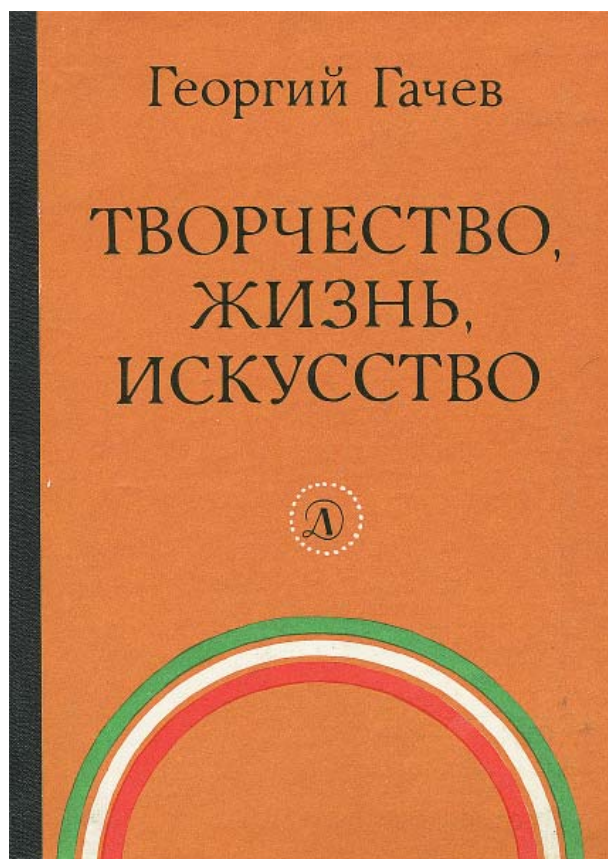
³ Н. К. Гей говорил о художественности как самоценности в языке и мышлении (см.: [Гей, 2001, с. 285]). А. В. Михайлов видел развитие теоретического мышления в едином поле «слов, поднимающихся из недр самой культуры в ее непосредственности» [Михайлов, 2001, с. 253]. Напомним также знаменитые слова С. Г. Бочарова: «Роль литературоведения по отношению к литературе противоречива. Литературоведению подобает скромность: оно литературе служит, литературоведческая речь — это косвенная речь по определению; и именно как таковая она имеет свои особые возможности в мире мысли (и, очевидно, в этом ее характере заключается также ее особая этика). В то же время [...] литературоведение это тоже литература и филолог это писатель, он не только имеет дело с исследуемым словом другого писателя, он работает с собственным словом сам, без чего ему не откроется и исследуемое слово» [Бочаров, 1999, с. 12]. О художественном мышлении в теоретической мысли Г. Д. Гачева отчасти идет речь в данной статье.

Мысль в гуманитарном знании не безлична и не безразлична обстоятельствам, в которых возникает, она не универсальный инструмент, одинаково пригодный для различных предметов, — вот из чего исходит Г. Д. Гачев.

Именно поэтому его идеи всегда развиваются в диалоге (с воображаемым ли собеседником или реальным, подразумеваемым). И одна из лучших книг, на мой взгляд, та, в которой «перед лицом юного собеседника освежались и в первичной чистоте продумывались старинные проблемы [...] эстетики и искусствознания» [Гачев, 1980, с. 3]. В этих условиях уже ничего нет само собой разумеющегося, равно как и раз и навсегда доказанного: книга «Творчество. Жизнь. Искусство» начинается с оправдания искусства, теории и эстетики.

В предисловии Гачев говорит, что в качестве образца он опирался на «Письма об эстетическом воспитании человека» Ф. Шиллера. Помимо самой формы книги, здесь речь и о сущностном устремлении ученого представить взгляд на искусство в его целостности, а не теории, схватывающие только какие-то отдельные свойства рассматриваемого предмета. «Подобно химику, — утверждает Шиллер, — философ тоже соединяет только путем разложения и только в муках искусства обретает творение свободной природы» [Шиллер, 1957, с. 252]. Шиллер-теоретик опирается на эстетическое чувство и предпочтения Шиллера-художника, вместо расщепляющего анализа он черпает идеи из «общения с самим собою» [Шиллер, 1957, с. 251].

Зарождение творения в личности художника, как и зарождение мысли в личности ученого, — предмет особого внимания Гачева. Творение, как и теория, несет на себе отпечаток личности своего создателя. Так же рассматривает он и предпочтения в сфере гуманитарного знания, например предпочтение той или иной теории, что всегда обусловлено и личным выбором, а не только силой доказательства. «...Во что, в какую теорию положить свое “я”, какое

Обложка книги Георгия Гачева
«Творчество. Жизнь. Искусство» (1980)

бытие положить как “я”-бытие”, субъективным. Тогда все прочее — “они-бытие”, “он-предмет”, некое “оно” (*man* — немецкое, безличное), — и его можно бить и уничтожать, как врага, ибо это, как некая “без-я-сть”, уже по идее и сути мыслится нами как не-бытие бесчувственное...» [Гачев, 2019, с. 473].

Именно в силу явной и неразрывной связи творения и творца так важен и момент рождения мысли или образа и окружение — место рождения.

Кстати сказать, особый интерес к истоку творения — в его первоначальном окружении, повлиявшем на замысел творца, — был связан с попыткой уловить мгновение, момент творческого порыва, из которого возникает произведение. Для этого даже

был предложен термин ‘*locus nascendi*’: именно так в 1920-е годы Я. Л. Морено описывал эфемерность и неповторимость театрального действия (см.: [Морено, 2008, с. 44–45]). К проблеме истока художественного творения обращались впоследствии, в 1930–1950-е годы, Хайдеггер и Гадамер (см.: [Хайдеггер, 1993, с. 47–116; Гадамер, 1993]). «В художнике исток творения, — говорит Хайдеггер. — В творении исток художника. Нет одного без другого» [Хайдеггер, 1993, с. 51]. И хотя философ определяет исток творения и художника через постижение сущности искусства («мы движемся по кругу» [Хайдеггер, 1993, с. 52]), в основе рассмотрения — сопряженность творящего, творения и того нового качества бытия, что возникает из такой деятельности, — собственно истока.

Здесь важно особо отметить: тема истока творения становится необычайно значимой в кризисные периоды, в эпохи мировых войн, масштабных технологических перемен, меняющих ход истории. В такие времена вообще все, что казалось незыблемым, нуждается в оправдании. Это также периоды остраивающего взгляда на искусство.

Рождение мысли или творения отчетливо противопоставлено их сделанности, искусственности, с одной стороны, и с другой — инструментальности

Обложка книги Георгия Гачева
«Философия быта как бытия» (2019)

(будто произведение может быть орудием для каких-то других действий в сфере культуры, общественной жизни или политики). *Locus nascendi* обуславливает уникальность, а не взаимозаменяемость явления. С этой точки зрения творение не только формируется первоначальным окружением, но и живет преимущественно в нем. Напротив, будучи оторванным от своего первоначального окружения, как, например, музейный экспонат, творение становится просто вещью в ряду вещей.

Такую бытийную неразделенность исследовал Гачев в национальных образах мира; творческое окружение также предмет внимания ученого, формулирующего теорию ускоренного развития, исследующего судьбы культур разных народов в различных исторических обстоятельствах, но при этом стремящихся, по слову ученого, к «неминуемому» (см.: [Гачев, 1989]) — определенному Историей вектору движения.

Но даже в этом движении для мыслителя важнее не явления культуры как закономерности, а их агенты — творцы Истории: поэты, художники, ученые.

Уже в конце жизни, исследуя феноменологию повседневности, Гачев говорит о технологических условиях исчезновения живой личности, ее замещении искусственным, роботизированным, сознанием.

Симптоматично, что в период прорыва в обыденность искусственного интеллекта с особой остротой проявляется интерес к *вещи* и *повседневности*. Утраченную субъектность можно попытаться собрать по частям, фрагментам, косвенным признакам ее существования. Но на деле это все же исчезновение, утрата и, как следствие, появление на месте субъекта замещающих элементов. У Г. Д. Гачева же в его «Философии быта как бытия» вещи и повседневность связаны с субъектом, окружают его, а не заменяют. Именно поэтому отдельный человек может сказать словами философа: «Бытие мною дышит, словенствует» [Гачев, 2019, с. 574]. Поэтому счастье в таком повседневном бытии реальное, а не воображаемое, это счастье присутствия в настоящем времени, недоступном исследователю повседневности, несущему груз эпохи смерти субъекта.

Список источников

Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.

Гадамер Г.-Г. Введение к «Истоку художественного творения» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / сост., переводы, вступит. статья, примечания А. В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. 117–132.

Гачев Г. Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.

Гачев Г. Д. С Толстым встреча через век (исповесть). М.: Вузовская книга, 1999. 112 с.

Гачев Г. Д. Творчество, жизнь, искусство. М.: Детская лит., 1980. 143 с.

Гачев Г. Д. Философия быта как бытия. М.: Фонд «Мир», 2019. 712 с.

Гей Н. К. Категории художественности и метахудожественности в литературе. Тезисы // Литературоведение как проблема / под ред. Т. А. Касаткиной, Е. Г. Местергази. М.: Наследие, 2001. С. 280–301.

Кантор В. К. Ропот мыслящего тростника: Блез Паскаль и Лев Толстой. Параллели (К четырехсотлетию со дня рождения Блеза Паскаля) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 11–40.
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-11-40.

Михайлов А. В. Несколько тезисов о теории литературы // Литературоведение как проблема / под ред. Т. А. Касаткиной, Е. Г. Местергази. М.: Наследие, 2001. С. 201–279.

Морено Я. Л. Психодрама / пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. М.: Психотерапия, 2008. 496 с.

Темпест Р. Георгий Гачев: *incultura, inmemoriam* // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2018. Т. 1, № 1. С. 97–109.

Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / сост., переводы, вступит. статья, примечания А. В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 464 с.

Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. Н. Н. Вильмонта и Р. М. Самарина. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 6. Статьи по эстетике. 792 с.

References

Bocharov, S. G. (1999) *Syuzhety russkoi literatury [Plots of Russian Literature]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Gadamer, H.-G. (1993) "Vvedenie k 'Istoku khudozhestvennogo tvoreniya'" ["Introduction to 'The Origin of the work of art'"], in Heidegger, M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let [Works and Reflections]*. Ed. by A. V. Mikhailov. Moscow: Gnozis, pp. 117–132.

Gachev, G. D. (1989) *Neminuemo. Uskorennoe razvitie literatury [Inevitable. Accelerated Development of Literature]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Gachev, G. D. (1999) *S Tolstym vstrecha cherez vek (ispovest') [Meetings with Tolstoy Across the Century (Confession-tale)]*. Moscow: Vuzovskaya kniga.

Gachev, G. D. (1980) *Tvorchestvo, zhizn', iskusstvo [Works, Life, Art]*. Moscow: Detskaya literatura.

Gachev, G. D. (2019) *Filosofiya byta kak bytiya* [*Philosophy of Everyday Life as Being*]. Moscow: Fond “Mir”.

Gei, N. K. (2001) “Kategorii khudozhestvennosti i metakhudozhestvennosti v literature. Tezisy” [“Categories of Artistic and Meta-artistic in Literature. Notes”], in *Literaturovedenie kak problema* [*Literary Theory as a Problem*]. Ed. by T. A. Kasatkina and E. G. Mestergazi. Moscow: Nasledie, pp. 280–301.

Kantor, V. K. (2023) “The Murmur of the Thinking Reed: Blaise Pascal and Leo Tolstoy. Parallels (To the 400th anniversary of the birth of Blaise Pascal)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(3), pp. 11–40. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-11-40.

Mikhailov, A. V. (2001) “Neskol’ko tezisev o teorii literatury” [“Notes on Literary Theory”], in *Literaturovedenie kak problema* [*Literary Theory as a Problem*]. Ed. by T. A. Kasatkina and E. G. Mestergazi. Moscow: Nasledie, pp. 201–279.

Moreno, J. L. (2008) *Psikhodrama* [*Psychodrama*]. Transl. by G. Pimochkina, E. Rachkova. Moscow: Psikhoterapiya.

Tempest, R. (2018) “Georgii Gachev: incultura, inmemoriam”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 1(1), pp. 97–109. (In Russ.).

Heidegger, M. (1993) *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [*Works and Reflections*]. Ed. by A. V. Mikhailov. Moscow: Gnozis.

Schiller, F. (1957) *Sobranie sochinenii v 7 tomakh. Tom 6. Stat’i po estetike* [*Works: in 7 vols. Vol. 6. On Aesthetics*]. Ed. by N. N. Vil’mont and R. M. Samarin. Moscow: GIKhL.

Информация об авторе: Наталья Николаевна Смирнова — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.

Information about the author: Natalia N. Smirnova — DSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Address: 25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025;
принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 13.08.2025;
approved after reviewing 01.09.2025;
accepted for publication 10.09.2025.